
ГЛЕБ ШУЛЬПЯКОВ

САМЕТЬ

Поэма

1

Я помню эту карточку с тех пор,
как помню сам себя.
Она стояла в комнате у мамы.
Вот прадед, отец Сергей:
ряса в горчичной сыпи
— сельский священник.
Вполоборота матушка
(на плече ладонь лодочкой).
Он смотрит прямо, она
чуть в сторону.
Строгие, сухие лица.
И темная портьера за спиной.

Я и теперь помню
каждую складку.

А через месяц —
        донос,
        арест.

        Расстрел.

Поп, священник!
«Украл ведро картошки».
И нитка распустилась.
Не стало матушки Екатерины.
Исчезли поповские дочки.
Разорили церковь.
И только на карточке
ничего
— как будто они
смотрят в *другое*
будущее.

В наше время
моя мама отыскала их.
Каждый год навещала.
Говорила:
«Поеду-ка я к тетушке из Южи...»

Шульпяков Глеб Юрьевич родился в 1971 году в Москве. Окончил факультет журналистики МГУ. Поэт, прозаик, переводчик, драматург, эссеист. Автор трех книг стихов, нескольких сборников путевых очерков и четырех романов, в том числе «Музей имени Данте» (М., 2013). Живет в Москве.

«Давно не была я у тетушки из Шуи...»
 «У тетушек Нины и Ани из Плёса...»
 «У тетушки из Ки-неш-мы...».
 Пока последняя из них не умерла.
 Так карточка попала к нам.

Я увидел ее снова
 совсем недавно,
 когда разбирал вещи.
 Теперь это было зеркало.
 Нос и рот, брови,
 глаза и даже его руки
 — были моими.
 Одно лицо! только
 борода и ряса...
 Как затемно встали;
 переправу и как
 тряслись на подводе;
 жирных грачей на пашне
 и фотографа, который
 всё отводил взгляд
 — я мог это представить.
 Но в тюремном подвале?
 Или на допросе
 — человека с моим лицом?
 Священника?
 Нет, нет и нет.
 Ведро мерзлой картошки...
 Я и теперь слышу,
 как она стучит по доскам.

А то село на Волге называлось
 — Саметь.

2

а теперь из уважения к усопшему
 прошу всех присутствующих выключить телефоны.

Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное.

(десять часов, а такая темень, и как они живут в этом городе... — нет,
 здесь все время прямо и налево к воротам — и у цветочного магазина
 остановите, пожалуйста)

*Блаженны плачущие, ибо они утешатся.
 Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.*

...и лодка всплывает в часовню.

(здесь не надо, вы мешаєте, проходите внутрь — простите, а где можно
 свечку? — цветы, цветы сначала положите)

*Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся.
 Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.
 Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.*

...и лодка тонет в цветах.

— А теперь родные и близкие могут попрощаться с покойным... Так. Прошу вас, мужчины, когда соберут цветы и венки, возьмите в ноги два шурупа, ими надо прикрутить крышку. Там, где голова, пусть возьмут двое. Автобус ждет вас на улице.

..и лодку волокут по кирпичной воде города.

(все почему-то усатые, вы заметили? — и ни одной женщины — пузом чуть венки не свалил ваш батюшка — ...а всё мать: музыка, музыка; мог бы стать великолепным физиком — ...шестьдесят лет вместе, господи, шестьдесят лет вместе... — кто-то знает, там курить можно?)

«Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими. Блаженны...»

...и лодку выносят на берег.

(а где голова, с какой стороны? — нет, что и говорить, место удобное — ладно, тогда вы здесь, а мы с этой — готовы? — взяли)

«Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть...»

...и лодку опускают на дно.

(...нет, но почему она не пришла, ведь он столько для нее сделал! — тише, тише... — крест, крест давайте!)

...и волны земли захлестывают лодку.
Она тонет.

.....

(и рюмку, пожалуйста — вот так, а сверху хлеб — какая хорошая фотография — нет, не ждем, давайте без них — у всех налито?)

— *Знал он и успех, и творческие взлеты...*

(мне тоже водки — вот моя рюмка — всё-всё, достаточно...)

— *...и предательство учеников. Но всегда был отзывчивым, добрым человеком. Для всех нас, его коллег и учеников, родных и близких это большая потеря.*

(а это, я забыла, как называется? — кутья? — да, точно)

— *А я хочу выпить за физика. Отец в музыке сделал открытие, потому что у него была голова физика.*

(да потому что отказался писать об этой бездари — и всё, двери ему закрыли, вы же знаете, как это у нас бывает — да, независимый был человек, неординарный, неуживчивый — светлая ему память)

— *Когда он взял меня к себе, он сказал — я дам тебе отмычку, не нужно таскать всю связку. Но исполнители, вы же знаете — «А зачем мне это?», «Да я лучше по-старому...»*

(...я тот год хорошо помню, мы тогда в Петрозаводске жили, а он вдруг уехал в Ленинград — буквально на голое место, и все из-за одной встречи — ...но всегда заботился, всегда как отец родной... — да ерунда, говорит мне, твоя книга! успокоил... — военное детство, голод — ...и всегда высокую планку, всегда по максимуму — как, вы говорите, имя этой девочки? которая в Венской Опере, ученица? — ...доску на аудиторию мемориальную, заявление прямо завтра же, не тяните — стойте, вы уже уходите? — да — я провожу вас)

.....

— *Следующая остановка Адмиралтейская. До Адмиралтейской троллейбус.*

— Они там каждый год собирались. Снимали дом на море, съезжались — тетка из Алма-Аты, дядька из Питера, мы. Мне тогда, правда, всего шесть лет было. Но я помню. На море тогда шторм был, никто не купался. И вдруг дядька — в воду. Куда? Зачем? Через пять минут исчез из виду.

— *Билетики берем, передняя площадка — кто без билета?*

— Я тогда страшно испугался. Дядя Олег утонул! Кричу. На помощь! А взрослые смеются, вино хлещут. И тогда мой отец...

— *Без сдачи? Поищите, может найдется...*

...и лодка плывет под землей, плывет над водой.

— ...тогда мой отец посадил меня на плечи. Видишь? А что «видишь»? Там только серые волны. Но потом, точно — вот такая, размером с перечную горошину. Перекачивается на волнах. Голова. Исчезла, потом снова. И все ближе, ближе.

«Ибо они унаследуют землю».

— ...он возвращался.

3

..... под Новый год, когда
мы переехали. И вот я очутился
среди гирлянд и ёлок на Кузнецком.
Мне в новый дом хотелось лампу
купить — и я бродил по лавкам.
Но лампы не нашел.
И в сумерках на улицу вернулся.
Утапывая желтый снег, я шел
к метро, на все вокруг предметы
бросая как бы прощальный,
предновогодний взгляд.
И вдруг увидел вывеску,
книжный магазинчик
— из прошлой жизни
лавку букиниста.

Та же неудобная лестница,
низкая притолока и
пузыри линолеума те же.
Сиротский запах старых книг.
Постой, откуда он возник?
Плешивый, сгорбленный
— от книжных стеллажей
он словно отслоился,
откашлялся и тихо извинился —
а я кивнул и к полкам отвернулся.

Здесь было все, о чем
я в юности мечтал.
По бросовой цене,
почти что даром.
Мне эти книги не скупить
— спасти хотелось.
Тогда плешивая старуха
из-под пустых коробок
вытащила одну.
— Вот, посмотрите.
И протянула мне знакомый томик.
Он раскрылся с хрустом
— точно вчера из печати.
«Давно уже привык я
укладываться рано...»
— пробежал по строчке.
И время отмотало пленку.
Луч солнца упал на парты.
Я услышал скрип паркета
и запах мокрого мела.
Увидел штору;
кремлевскую за шторой башню.
И девушку, которая вот-вот
в аудиторию войдет.

В то время эту книгу
мы читали в очередь.
Зачитанной
она и осталась в памяти.
А *эта* сорок лет
пролежала нетронутой.
Для жизни, но какой?
Ведь даже старой
у нее не было.
— Ну что, берете?
Эта книга
была похожа на меня:
полжизни позади,
а как будто...
— Да, пробейте.
...и не начиналась.
В ней было обещание
— но чего? И я
нес ее бережно,
как птицу.

...Дни безвременья,
дни солнцеворота!
Когда уходит старый, а другой
еще невидим за речной дугой
— там, на отмели,
где вечная Саметь
летит вниз крестами,
мой вечно молодой дядька
скрипит мокрой галькой
— там, на переправе,
над темной водой
разговаривает с грачами
прадед-священник.
Еще одно усилие, и я
услышу, что он говорит.

Из подворотен
музыка летит.

